

**РЕЧЕВАЯ/НЕРЕЧЕВАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ – ИСТОЧНИК „МЕТАСМЫСЛА“
В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА „СМЕРТЬ ЧИНОВНИКА“**

Куралай Б. УРАЗАЕВА, Жанаргуль К. АЗКЕНОВА

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан

E-mail: kuralay_uraz@mail.ru; azkenova@mail.ru

**SPEECH/NON-SPEECH MANIPULATION IS A SOURCE OF *METASENSE* IN THE STORY
BY A. CHEKHOV, „THE DEATH OF A GOVERNMENT CLERK“**

Kuralay B. URAZAEVA, Zhanargul K. AZKENOVA

E-mail: kuralay_uraz@mail.ru; azkenova@mail.ru

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan

ABSTRACT: Linguistics of deep structures, methodological linguoconceptology, receptive aesthetics are of interest for the study of speech / non-verbal manipulation in the story by A. Chekhov „The Death of a Government Clerk“ as a double meaning - linguistic and textual. A structural study of Chekhov’s humor made it possible to establish the role of speech / non-speech manipulation as a source of *metasense*. The study of illocutionary influence, manipulation - forms of verbal / non-verbal exposure reveal in the *metasense* structure of the meta-observer. The concept of *metasense* in the story by A. Chekhov is based on the delimitation from semantic gaps. The semantic gaps are considered in the context of the reader’s interpretation, the *metasense* is a method of accurately translating the author’s thoughts. This approach is based on the study of speech / non-speech manipulation and irony as methods of illocutionary influence of the speaker on the listener.

The connection of semantic spaces and *metasense* is shown in the role of a *meta-observer* - methods of reproducing the plot of changing Chervyakov, the image of death, the chain of indices, the author’s remarks, physiological gesture, transformation of the event into a non-event. This is how the genre unity of the joke and drama was established.

KEYWORDS: Chekhov, „The Death of a Government Clerk“, *metasense*, Semantic spaces, manipulation, discourse, humor

В условиях междисциплинарного развития гуманитарной мысли плодотворным представляется применение результатов лингвистики глубинных структур. Имеются в виду когнитивные действия, участвующие в процессах передачи мыслей средствами языка. Данной проблеме посвящена работа В. Шляхова (Шляхов, 2014, с. 53 – 60). Обоснованное автором понятие *метасмысла* – явления, когда следы мыслительной деятельности обнаруживаются в том, что не выражено словами, а подразумевается, представляет интерес для изучения речевой/неречевой манипуляции в рассказах А. Чехова. Такой подход проясняет природу чеховского рассказа как двойного сообщения – языкового и текстового.

Методическая лингвоконцептология (школа петербургского профессора Н. Мишатиной), или методология концептного анализа текста (Шерстобитова, 2019, с. 118), создает предпосылки для дополнения представлений о структуре *метасмысла* техниками речевой / неречевой манипуляции и ее роли в аргументации литературного героя.

В связи с понятием *метасмысла* возникает ассоциация со *свободными позициями (смысловыми пробелами)*¹ в рецептивной эстетике. Это „место неопределенности“ в тексте, когда читатель мог подключиться к пониманию текста. В. Изер назвал „незаполненные позиции“ „элементарными матрицами“ взаимодействия текста и читателя (Изер, 2009). Исследователь показал, что в этих точках происходит „динамизация“ текстовой структуры, она приобретает „открытость“. В случае если текст вызывает у читателя некие ожидания, которые в дальнейшем снимаются, то это может быть результатом воздействия „незаполненных позиций“. В этих точках текст „отрицает“ энергию воображения читателя.

Приемы воздействия автора на читателя, говорящего на слушающего могут рассматриваться в границах иллюкутивного, с точки зрения риторики, воздействия, а также, с позиции

¹ Далее и везде: *смысловые пробелы*.

языковой личности, как манипуляция – форма речевого / неречевого воздействия. Так, по мнению В. Чалого, „в ряде случаев в прозе Чехова литературный персонаж играет роль манипулятора – человека, стремящегося стать той языковой личностью, которая „тайно“ подчиняет себе собеседника, используя собственные „скрытые“ приемы речевого воздействия (Чалый, 2015, с. 425). Такой взгляд сопоставим с явлением *метанаблюдателя* (Шляхов, 2014, с. 53 – 60).

В работе А. Сквородникова и Г. Копниной (Сквородников, Копнина, 2003, с. 76 – 83) понятие *манипуляция* рассматривается как риторический прием и представляет интерес для изучения коммуникативной природы художественного текста.

Смысловые пробелы – как установка на рецептивное восприятие текста – выявляют в составе двойного сообщения их функцию „дописывания“ текста читателем, в то время как метасмысл фиксирует авторский смысл. *Смысловые пробелы* в прозе Чехова направляют внимание читателя к концептам культуры, социоисторический фон повествуемой истории способствует интерпретации читателем авторской точки зрения. В то же время метасмысл создает предпосылки для точной трансляции авторской точки зрения и выявления внутренних границ рассказа как языкового и текстового сообщения. Направленность читателя на стратегию прочтения – способ создания языкового сообщения. *Метасмысл* – провокация автора, речевая / неречевая манипуляция, ирония как прием иллокутивного воздействия *говорящего* на *слушающего*, юмор как риторическая стратегия автора выявляют природу рассказа как текстового сообщения. Автор как *метанаблюдатель* создает и организует речевую / неречевую коммуникацию с читателем, который становится „невольным / сознательным“ участником коммуникации перед „лицом“ завершенного текста.

Актуальность работы обусловлена структурным описанием чеховского юмора в синтезе *смысловых пробелов* и *метасмысла*, проливающего свет на жанровую трансформацию. С теоретической точки зрения, это возможность описания иронии писателя в аспекте отношений текста и подтекста, с практической – выявление техник манипуляции, иллюстрирующей проявление комического в произведениях Чехова с драматической / трагической фабулой. Такой подход выявляет мениппейную природу смеха (М. Бахтин).

Реконструкция чеховского рассказа как двойного сообщения, языкового и текстового, ставит задачи: 1) выявить соотношение *смысловых пробелов* с позиций читателя, восприятия им рассказа сквозь призму концептов культуры и изучить чеховский рассказ как языковое сообщение; 2) осуществить анализ рассказа как текстового сообщения с позиций речевой / неречевой манипуляции как источника *метасмысла*; 3) исследовать роль автора (говорящего) как *метанаблюдателя* в структуре *метасмысла*. Объектом рассмотрения стал рассказ Чехова „Смерть чиновника“ (1883).

Использование структурного, формального, герменевтического, дискурсного методов, а также рецептивной эстетики и лингвоконцептологии способствует изучению манипуляции в рассказе А. Чехова – речевой / неречевой формы воздействия на читателя – как источника *метасмысла*. Исследование языковой личности с точки зрения воздействия на слушающего в его амбивалентной сущности – собеседника литературного героя, его *vis-a-vis* на сюжетно-фабульном уровне, и автора на читателя – на уровне организации текста как целого, позволяет описать рассказ Чехова как двойное сообщение.

Специфика рассказов Чехова кроется в их двоякой событийности, на которую обратил внимание В. Тюпа (Тюпа, 2008, с. 273). Например, рассказ „Смерть чиновника“ на уровне фабулы – анекдот, житейская история, случай. Известно, что автор сопроводил рассказ „Смерть чиновника“ подзаголовком „Случай“. Однако в приемах сюжетной логики – это пародийный текст, манипулирующий экзистенциальной проблематикой. Сближение смерти как исключительного события и смерти как случая сталкивает, с одной стороны, *смерть* и *случай* как бытийные категории. С другой, в подтексте языковая игра предстает как манипуляция автором по отношению к сознанию слушающего.

Чин Червякова – экзекутор (судебный пристав). Этимология значения трансформирует чин в концепт: осуществление приговора, исполнение наказания, контроль за исполнением ведут к формированию цепи смыслов, ставших причиной смерти чиновника. Это, в терминах Р. Барта, система индексов: неспособность героя принять ситуацию, отрефлексировать живую

жизнь, умение жить только в соответствии с нормативной установкой, что и сыграло злую шутку с ним. В этом смысле сначала чиханье, потом – смерть не воспринимаются как недоразумение. Смерть в онтологическом значении трагична. Однако смерть в рассказе и смешна. Почему? Как происходит переход *смысловых пробелов* в *метасмысл*? Как выявление *метасмысла* и роли автора как *метанаблюдателя* помогает обнаружить переход из языкового сообщения в текстовое?

Структура юмора Чехова отражает определенную иерархию. На уровне бессознательного ожидания слушающего имитация фольклорной завязки: „В один прекрасный вечер“ – провоцирует, по В. Я. Проппу, ожидание беды, катастрофы, однако по той же причине жанровых ожиданий (сказки) предполагается история со счастливым финалом. Переживаемое героем наслаждение: „Он (Червяков – У.К.) глядел и чувствовал себя на вершине блаженства“² – создает поле для *смысловых пробелов*.

Упоминание оперы „Корневильские колокола“ (фр. Les Cloches de Corneville) французского композитора Робера Планкета на либретто Луи-Франсуа Клервилля и Шарля Габе по пьесе „Вилларские колокола“ Э. Майяра и неоднократное включение Чеховым в произведения: „Контракт 1884 года с человечеством“, „Фантастический театр Лентовского“, „Осколки московской жизни“, „Мой Домострой“, „Три года“, а также упоминание оперы в „Землетрясении“ А. В. Амфитеатрова и романе „Целомудрие“ Н. А. Крашенинникова – усиливают аргумент в пользу духовных потребностей „маленького человека“. Однако *метасмысл* возрождает неупомянутую Чеховым, но создающую жанровую особенность „Корневильских колоколов“ песенку хора служанок „Смотрите здесь, смотрите там“, которая стала символом опереточной игривости. Иронию Чехова можно увидеть в потаенном, подсознательном любовании героем чеховского рассказа женскими прелестями (подобно гоголевскому Башмачкину, который, только облачившись в новую шинель, заметил оголившуюся женскую ножку на картине, выставленной в витрине магазина) и расценивать как разоблачение иллюзии о духовности Червякова. Песенка служанок становится метатекстом – аллюзией на скрытую природу Червякова. И тут выявляется манипуляция автора, который завязкой истории как случая делает жест: Червяков чихнул и обрызгал сидящего впереди старичка. Автор-метанаблюдатель с его мнимо серьезным рассуждением: „Но вдруг... В рассказах часто встречается это „но вдруг“. Авторы правы: жизнь так полна внезапностей!“ и откровенно-саркастическим обобщением: „Чихать никому и нигде не возбраняется. Чихают и мужики, и полицеймейстеры, и иногда даже и тайные советники. Все чихают“ – вводит условный текст, манипулирует вниманием читателя и создает шанс на дешифровку *метасмысла*, когда досадный случай превращается в историю смерти, а смерть в онтологическом смысле не допускает травестирования.

„Старичок“ оказывается статским генералом Бризжаловым, служащим по ведомству путей сообщения. Концепт историко-культурного свойства: петровская табель о рангах XVIII века, дистанцирующая чиновника Червякова от генерала, становится линией пересечения *смысловых пробелов* и *метасмысла*, истоком переживания героем случая как драмы, истории, требующей „корректировки“ героем. Здесь начинается система речевой / неречевой манипуляции, расширяющая фон *метасмысла*.

Неприятность социального свойства имеет аллюзивную природу. В статье одного из авторов (Уразаева, 2019) семантика слова „обрызгал“ интерпретирована как страх героя – в аспекте аллюзии на средневековый шутовской обряд, заключающийся в метании кала и мочи. В работе обоснован страх Червякова с позиций табуированного жеста и его „вины“. Отмечена и упомянутая М. Бахтиным ассоциация: „У нас <...> ночной горшок иногда называют „генералом“ и символика „Manneken-Pis“ на одном из городских фонтанов в Брюсселе, который ученый объяснил как желание безопасности и благосостояния для города (Бахтин, 1990, с. 167). Таким образом, для Червякова прощение генерала, „ночного горшка“ („фанфарона“, в его внутренняя оценка) становятся гарантией его безопасности и спокойствия. В таком контексте проявление физиологического жеста („чихнул“ и „обрызгал“) воспринимается как психологи-

² Рассказ цит. по Чехов (1975, с. 164 – 166).

ческая и культурологическая аллюзия на истребование прощения как желание покоя, отсутствия наказания.

Еще одно пересечение *смысловых пробелов* и *метасмысла* – сюжет переодевания Червякова и последовавшей смерти: „На другой день Червяков надел новый вицмундир, подстригся“ (Чехов, 1975, с. 165). С одной стороны, культурный концепт связан с традицией ритуального приготовления к смерти. В плане *метасмысла* неречевая манипуляция героя проливает свет на бессознательное желание добиться прощения.

Несостоявшийся поступок Червякова, который не смог выдумать письма для извинения, возрождает принятые в обществе того времени ритуалы, этикет. *Смысловые пробелы* создают образ чиновника как человека, стремившегося соответствовать принятым в обществе нормам. Супруга Червякова, вначале не придавшая значения происшествию, приходит к согласию с героем в убеждении: „Подумает, что в публике себя держать не умеешь“ (Чехов, 1975, с. 165). Полисемантическое „публика“ рождает цепь индексов: стиль жизни, норма и критерий владения нормами этикета. Однако *метасмысл* бежалостен: он фиксирует несостоявшийся жест вежливости и семантизирует нерешительность героя, неумение воздействовать на генерала эпистолярным языком.

Интересно привести работу, посвященную особенностям „употребления форм речевого этикета русских и английских аристократов XIX века под влиянием фактора „гендер“ (Христова, 2019, с. 97 – 105). Исследователем установлено присутствие в женской и мужской этикетной речи одних и тех же форм обращения (за исключением обращения по фамилии), одних и тех же форм извинения и благодарности. В этом отношении согласие жены Червякова с мужем в необходимости извинения фиксирует типологически близкое явление этикета.

Для понимания иронии Чехова-*метанаблюдателя* важны ремарки и реплики. Так, в предложении: „Что-с? – спросил шёпотом Червяков, млея от ужаса“ (Чехов, 1975, с. 166) „млея“ обнаруживает непривычную коннотацию. „Млеть“ предполагает спектр позитивных эмоций: млеть от восторга, радости. У Червякова же „млеть“ ассоциируется с образом смерти: бледнеющий от ужаса, герой близок к предсмертному состоянию.

Метасмысл усиливается физиологической синкретичностью жеста: „В животе у Червякова что-то оторвалось. Ничего не видя, ничего не слыша, он попятился к двери, вышел на улицу и поплелся“ (Чехов, 1975, с. 166). Ощущение остановившегося времени передает жестовая картина действий: „Придя машинально домой, не снимая вицмундира, он лег на диван и... помер“ (Чехов, 1975, с. 166). Не снять новый, парадный вицмундир и лечь в нем на диван для маленького чиновника означает мировоззренческую катастрофу. Отсюда оценка смерти в коннотации „помер“ – как будничного события – делает очевидной роль манипуляции автором восприятия текста читателем: событие смерти как *не-событие* с точки зрения случая в жизни чиновника.

Интересно вписана в систему *метасмысла* речевая / неречевая манипуляция Червякова, выявляющая особенности поведения и речи героя как аргументативного дискурса. В стилистическом и интонационно-эмоциональном регистре косноязычного Червякова скрыт богатый авторский диапазон приемов иллюкутивного воздействия, в зависимости от переживаемого им образа генерала, от „старичка“ до чужого начальника. Так, ритуально-нейтральное и лишённое первичной выразительности клише: „Ради бога, извините“ осложняется требовательным: „Я ведь... я не желал!“. Бормотание: „Я вас обрызгал, ваше-ство... Простите... Я ведь... не то чтобы...“ – инерционное выражение, но содержащее оправдание и аллюзию на неспособность генерала к прощению. Чинопочитание, как поле для развития *смысловых пробелов*, „пресекается“ *метасмыслом*: подсознательным бунтом „маленького человека“, основанного на ожидаемом, аксиологически очевидном прощении. Переход к непроявленному подсознательному бунту героя, нежелание извиняться преодолеваются опасением: „Забыл, а у самого ехидство в глазах, – подумал Червяков, подозрительно поглядывая на генерала. – И говорить не хочет. Надо бы ему объяснить, что я вовсе не желал... что это закон природы, а то *подумает*, что я плюнуть хотел. *Теперь не подумает, так после подумает!*..“ (Чехов, 1975, с. 165). Вместе с тем при последнем визите в речи Червякова появляется мотив раскаяния и скрытый призыв к благоразу-

мию: „Ежели я осмеливаюсь беспокоить ваше-ство, то именно из чувства, могу сказать, *раска-
яния!*.. *Не нарочно, сами изволите знать-с!*“ (Чехов, 1975, с. 165).

В последнем объяснении Червякова вопрошающие глаза и вопросительные конструкции: „не для того, чтобы *смеяться*, как вы изволили сказать. Я извинялся за то, что, чихая, брызнул-с..., а *смеяться я и не думал. Смею ли я смеяться? Ежели мы будем смеяться, так никакого тогда, значит, и уважения к персонам...* не будет...“ (Чехов, 1975, с. 166) – своего рода проверка утаенного в нем опасения быть уличенным в покушении на власть, которую персонафицирует генерал, ведь рассказ написан в годы мрачного произвола царского режима.

Поведение Червякова, вербальное и невербальное, объясняет обреченность выстраиваемой им коммуникации на неуспех. Проецируя мышление, поведение маленького чиновника на бытовую житейскую ситуацию, когда он уже не способен видеть в генерале „старичка“, выявляют сарказм Чехова. Однако за ним кроется социальная ирония, воскрешающая драматизм истории, финалом которой стала смерть человека по / от глупости.

Итак, выявление техник манипулятивного воздействия автора на читателя позволило установить дифференцирование *смысловых пробелов* и *метасмысла* и вместе с тем их связь как фактор функционирования рассказа в его двойной сущности – как языкового и текстового сообщения. Функция *смысловых пробелов*, реконструирующих в сознании читателя концепты культуры, репрезентирует рассказ Чехова как языковое сообщение. Речевая / неречевая манипуляция – как источник *метасмысла* – выявляет функцию рассказа как текстового сообщения.

Связь *смысловых пробелов* и *метасмысла* исследована в аспекте роли автора как *мета-наблюдателя*. Эта роль вызвала в сюжете травестирование и переосмысление переодевания Червякова и превращения события смерти в *не-событие*, случай, анекдот на уровне языкового сообщения. Однако анализ цепи индексов, авторских ремарок и реплик, физиологического жеста определяют синтез трагического, драматического и комического и являют жанровую трансформацию случая в драму, с онтологически и аксиологически акцентированным событием смерти.

Речевая / неречевая манипуляция Червякова, поведение героя – причина невозможности аксиологически ценностного финала прощения. Отсюда двуединство сарказма писателя и социальной иронии и двойственность трактовки истории Червякова как случая и драмы одновременно.

БИБЛИОГРАФИЯ:

- Бахтин, М. М. (1990)** Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература. (*Bakhtin, M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennessansa. Moscow, Khudozhestvennaya literature.*)
- Изер, В. (2009)** К антропологии художественной литературы (*Izer, V. K antropologii khudozhestvennoy literatury*). (4.09.2019)
<<http://www.polit.ru/research/2009/02/27/izer.html>>
- Сковородников, А. П. & Г. А. Копнина (2003)** Чичиков как манипулятивная личность: к вопросу о коммуникативном подходе к анализу художественного текста. –В: Художественный текст и языковая личность: материалы III Всероссийской научной конференции, посвященной 10-летию кафедры современного русского языка и стилистики Томского гос. пед. ун-та (29 – 30 окт. 2003 г.) / под ред. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, с. 76 – 83 (*Skovorodnikov, A. P. & G.A. Kopnina. Chichikov as a manipulative person: on the question of a communicative approach to the analysis of a literary text. –In Khudozhestvennyiy tekst i yazykovaya lichnost': materialy III Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyaschennoy 10-letiyu kafedry sovremennogo russkogo yazyka i stilistiki Tomskogo gos. ped. un-ta (29–30 okt. 2003 g.) / pod red. N. S. Bolotnovoy. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. ped. un-ta, s. 76-83*).
- Тюпа, В. И. (2008)** Дискурсивный анализ. –В: Анализ художественного текста. М.: ИЦ Академия, с. 273 – 299. (*Тюпа, В. И. Discourse analysis. –In: Analiz khudozhestvennogo teksta. Moscow: ITS Akademiya, s. 273 – 299*).

- Уразаева, К. Б. (2019)** Рассказ А. Чехова как мениппея: смеховая культура, карнавальная образность и двоякая событийность // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, № 3, с. 176–185. (*Urazaeva, K.B. A. Chekhov's story as menippea: laughing culture, carnival imagery, and two-fold eventfulness. // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, № 3, s. 176 – 185).
- Христова, С. (2019)** Гендерные особенности речевого этикета аристократии XIX века – русско-английские параллели (социолингвистический аспект). // *Езиков свят*, том 17, кн. 1, с. 97 – 105. (*Hristova, S. Gender features of the speech etiquette of the aristocracy of the XIX century – Russian-English Parallels (sociolinguistic aspect). // Ezikov svyat*, том 17, кн. 1, s. 97 – 105).
- Чалый, В. В. (2015)** Литературный персонаж как воздействующая личность: когнитивно-лингвистический анализ прозы А. П. Чехова. // *Когнитивные исследования текста и дискурса*, № 22, с. 424 – 426. (*Chalyiy, V.V. The literary character as an impacting personality: a cognitive-linguistic analysis of A.P. Chekhov's prose. // Kognitivnyie issledovaniya teksta i diskursa*, № 22, s. 424 – 426).
- Чехов, А. П. (1975)** Смерть чиновника. –В: Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974 – 1982. Т. 2. [Рассказы. Юморески], 1883 – 1884. – М.: Наука, 1975. Т. 2. [Рассказы. Юморески], с. 164 – 166. (*Chekhov, A. P. Smert' chinovnika. –In: Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. T. 2. Rasskazy. Yumoreski*), pp. 164 – 166. 01. 09. 2019. <<http://feb-web.ru/feb/chekhov/texts/sp0/sp2/sp2-164-.htm>> .)
- Шерстобитова, И. (2019)** Интегративный потенциал концептного анализа учебного текста. // *Cross Cultural Studies: Education and Science (Кросс-культурные исследования: Образование и Наука)*, № 1, с. 113 – 121. (*Sherstobitova, I. The integrative potential of the conceptual analysis of the educational text. // Cross Cultural Studies: Education and Science (Kross-kulturnyie issledovaniya: Obrazovanie i Nauka)*, № 1, s. 113 – 121).
- Шляхов, В. И. (2014)** Глубинные структуры текста. // *Русский язык за рубежом*, № 4, с. 53 – 60. (*Shlyahov, V. I. The deep structure of the text // Russkiy yazyk za rubezhom*, № 4, s. 53 – 60).